
Никита Королёв

ЛЕБЕДИНЫЙ ОСТРОВ

ПРОШЛОЕ СТАНЕТ РОДНЕЕ

16+

Никита Королёв
Лебединый остров

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Королёв Н.

Лебединый остров / Н. Королёв — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Покупайте рог дьявола за 2,99!", "Экскурсии в преисподнюю! Только у нас в Праге! Для детей младше семи лет — бесплатно!"... Прага нещадно опопсела. По её улицам носятся толпы туристов, будто это декорации для их фотографий, а не великий готический храм, где обитает дух далекого времени. Трудно в её центре найти место, лишённое притворства и вылизанности. Но улицы ещё помнят... Они могут рассказать много интересных историй и лишь ждут того, кто готов их слушать. И тогда город окажется ближе, чем казалось, роднее...

Никита Королёв

Лебединый остров

I

Мой отель был расположен через дорогу от кладбища. Я увидел его из окна автобуса по дороге из аэропорта. Между прутьев кладбищенских ворот, ослепленные рассветом, глядели тусклые глазки свечек под красными колпачками.

Пробудившись от отвратительного дневного сна, после которого наступает чувство промозглой пустоты, я посмотрел на часы – было пять вечера. На город уже опустились лиловые сумерки. Одевшись, я отправился на станцию метро «Малостранская». Это был единственный ориентир, который мне дали мои друзья, с которыми я должен был встретиться, помимо нескольких размытых фотографий одного из тысячи здешних пивных баров, в котором они, встретившись, засели.

Дорога поднималась под небольшим уклоном вверх и шла между трамвайными путями и кладбищем. Я решил зайти. Прогулялся по центральной дороге, все время ища глазами хоть одну живую душу, сделал пару фоток самых, на мой взгляд, красивых надгробий, после чего двинулся дальше и вскоре оказался у торгового центра, через который попал на станцию «Флора».

II

Мне потребовалась помощь нескольких русскоговорящих туристов, встреченных мною по пути, чтобы попасть в ту пивную, где сейчас сидели мои друзья. Я шел, лавируя между толпами туристов, лепечущих неразборчивыми звуками тысячи языков, поднялся по каменной дороге, уходящей вверх и заворачивающей во двор, где уже довольно кислые от времени стальные мужчины мочились прямо перед музеем Кафки, – и оказался перед дубовыми дверями «Швейки».

Мне пододвинули стул, и я сел. Стол ломился от жирной масляной еды: огромные зажаренные куски мяса, наваристые супы, чесночные гренки и вяленый сыр. Разговор не уходил дальше происходящей на столе циркуляции блюд. «Передайте соль», «Какую вкусную мне принесли рульку, за сорок крон всего». Но им действительно лучше не отвлекаться от насущного, потому что тогда начинаются разговоры о плохой власти и делах на «личном». В общем, циркуляция боли. Не знаю, от духоты ли душевной или физической, рождаемой исполинскими жаровнями и густым пивным чадом, но мне захотелось уйти.

Я встал из-за стола, а на вопросительные взгляды друзей ответил, что перелет выдался трудным, и мне нужно отоспаться, чтобы прийти в себя.

Распрощавшись со всеми, я вышел в прохладный пражский вечер.

III

Я родился неизлечимо больным, – думал я, шагая по мокрой брусчатке. – С самого рождения во мне выделяется желчь черных фатальных мыслей, которую я вынужден неустанно спускать, вытягивая себя утешительным выводом из трясины бессмысленности. Тяга, искреннее желание давно не умащивали мои поступки, отчего каждое движение отзывается болезненным скрипом. Я сплю, укутавшись своими фантазиями, но сквозь этот сон мне досадно от того, что вовне меня ничто не ждет, а лишь переливается бессмысленным калейдоскопом событий и переворачивается листами календаря.

Недалеко от той пивнушки был пологий спуск к чернеющей в ночи Влтаве, откуда тянуло сыростью и речным холодом. Я спустился туда, где вода уже омывала брусчатку, с каждой волной оживляя узор ее швов. По черной воде скользили длинношеие лебеди. Некоторые из

них ходили по берегу, неуклюже переступая с лапки на лапку. Последний раз я был здесь незадолго до смерти отца, шесть лет назад. Воспоминания из этого города ценны для меня как память о последних моментах детства. Потому что прошлая жизнь после папиной смерти разбилась на мелкие осколки. Мне нужно было придумать нового себя, новую жизнь из ничего, чтобы двигаться дальше. Из прошлой жизни я взял лишь маленький мешочек с осколками воспоминаний. Один из них все эти годы временами возвращал меня в Прагу, по которой я гулял в своих светлых снах, после чего в слезах просыпался. Этот осколок и привел меня сюда спустя столько лет.

У меня оказалось несколько соленых кренделей, которые висели на деревянной подставке на столе в ресторане как закуска к пиву. Я выковырял кристаллики соли из кренделька, разломал его и протянул кусочек ближайшему лебедю. Он вытянул шею и выхватил его из моих рук. Помотав головой, чтобы протолкнуть еду, он быстро взглянул на меня и, развернувшись, пошел к воде.

Рядом тянулся Карлов мост. За изогнутыми шеями лебедей, в черноте Влтавы танцевали оранжевые блики чугунных пражских фонарей. От города по ту стороны реки, кажется, выстроенного из лунного камня, исходило бледно-желтое марево, растворявшееся в ночном небе. На душе стало тепло и отраднo. Тот неуютный зловонный мир, в котором я жил до этого, показался мне оставшимся позади, будто я смотрю на него через иллюминатор в самолете. Эти огни, мерцающие за рекой, обещали, что все эти люди, тревоги и мысли уйдут хотя бы на одну ночь. На эту ночь. Предвкушение длинной прогулки овладело мной.

IV

Я пересек Карлов мост с его бесконечными туристами, налегающими на каждый из его постаментов в надежде на красивый кадр, и пошел в самый центр этого древнего мира. Он был достаточно стар, чтобы стать романтическим, чтобы стать тем далеким краем, в котором я смог бы потерять себя.

Мне захотелось оказаться на Староместской площади с ее астрономическими часами на ратуше и отливающим малахитом Яном Гусом. Там я затеряюсь меж тесных улочек и темных переулков. Страх не найти дороги назад только разжигал мой азарт, добавляя этой аванюре нотку очаровательного отчаяния. К тому же я уповал на помощь случайных прохожих и близость станций метро, тесно расставленных по всему центру. Проходя мимо одной из них, я наткнулся на очень странный дом. Он сильно выделялся среди барочно-готического лоска его соседей. Между каждым его окном был зазор между плитами, поперечно пересеченный гипсовой планкой. Я достал телефон, чтобы запечатлеть сей памятник клинической архитектуры. Сделав пару фото, я зашел в «Галерею», чтобы посмотреть результат, и остался доволен усеянным крестами фасадом мелового цвета на фоне проржавевшей от фонарного света улицы. Затем я открыл фотографии, сделанные мной еще на кладбище. Ничего особенного я не обнаружил – лишь развалившиеся кресты, увитые плющом да могильные камни, покосившиеся от старости. Угрюмый покой под металлически серым небом. Только вот... Нет, это сущий пустяк, огрех съемки, как бы ни старалось мое воспаленное воображение... И все же на снимке, запечатлевшем сразу несколько могил, одно из надгробий было слегка затуманено. Небольшое пятно, освещающее участок под густой темно-зеленой сенью дерева. Этот забавный огрех чем-то напоминал

(женщину в похоронном саване)

нечто, имеющее человеческие очертания. Забыв обо всем, я крутил телефон в руках, ища нужный ракурс, пытаюсь «размыслить» взгляд. Ничего, кроме боли в глазах, не добившись, я успокоил себя тем, что больше не смогу не увидеть в этом пятнышке злого кладбищенского духа, и продолжил прогулку, сворачивая в не знакомые мне переулочки.

V

Я шел по улице, заворачивающей под небольшой дугой и как бы описывающей весь центральный район Праги. Она была несвойственно широкой для старого города и больше напоминала какой-нибудь проспект в захлавленной машинами Москве. Вскоре по ходу движения перевелись все повороты, уводящие от этой улицы, исчезли арки, а расстояния между домами и вовсе пропали.

Во мне заронилось зернышко страха, пока еще совсем маленькое, но уже пустившее мои ноги в легкий бег. Скорость бега росла пропорционально росту этого зернышка, и скоро я уже мчался на всех скоростях по этому ночному ипподрому.

Я выдохся, прошаркал еще пару метров на одеревеневших ногах и остановился. Мне стало жутко, и я инстинктивным движением схватился за телефон как за единственный источник связи с внешним миром. Жаль только, что по тому же инстинкту не находится оператор, готовый обслужить мой звонок хоть за все мои сбережения. Связи не было. Я попытался найти хотя бы одну wi-fi-сеть, которая каким-то чудом могла бы добивать досюда от какого-нибудь бара, где под неоновыми вывесками обычно толпятся шайки курильщиков с масляными от выпивки взглядами. На что я надеюсь, если здесь не слышно даже намека на ночную жизнь Праги? Лишь пустые глазницы декоративных зданий. Да, декоративных... Они ведь абсолютно полые внутри, эти дома, в них нет никакого интерьера, будто это просто декорации к фильму, а зрителю совсем не положено заглядывать в окна. Но я заглянул.

Под томительно крутящимся значком обновления списка сетей появилась одна. Она была без пароля. Не знаю, откуда она тут взялась, но, Господь, благослови незапароленный вай-фай. Мой страх тут же показался мне детским испугом, даже стало как-то стыдно за себя. Я подключился в надежде зайти в какой-нибудь мессенджер и сообщить единственным знакомым мне в этом городе людям о том, что я потерялся. Возможно, даже найти на одном из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.